

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 2
ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

ББК 76.0

DOI 10.18522/1995-0640-2021-2-241-253

«ПОЧВЕННИЧЕСКИЕ» ВОПРОСЫ О ЗЕМЛЕ И НАРОДНЫХ НАЧАЛАХ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

К.А. Кулько

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ публицистики Ф. М. Достоевского и А. И. Солженицына, касающийся их воззрений о земле и русском народе. Обосновывается актуализация «почвеннических» вопросов в XX веке. Рассматривается преемственность идей авторов разных веков в контексте социальных и политических трансформаций в обществе.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, А. И. Солженицын, почвенничество, земля, народ, интеллигенция.*

Введение

Многочисленные публицистические, художественные произведения А. И. Солженицына, его интервью содержат частые отсылки на судьбу и творчество Ф. М. Достоевского. Постоянное обращение к мыслям писателя прошлого века – не просто дань благодарности мудрому предшественнику. Это долгий диалог двух великих мыслителей о том, как найти выход из проблем, с которыми столкнулось человечество XIX и XX вв.

На очевидные созвучия идей в творчестве и на сходство судеб писателей обращали внимание многие исследователи, среди которых В. С. Бушин, В. Н. Захаров, В. Г. Краснов, Л. И. Сараскина, А. С. Сашина. Литературно-мемориальный музей Достоевского в Петербурге в 2014 г. организовал выставку «Достоевский и Солженицын», на которой при поддержке благотворительного фонда Солженицына удалось сопоставить мировоззрение писателей разных веков и проследить некоторые биографические параллели. Исследователи обратили внимание на то, что оба автора вступали во второй брак, имели похожие творческие дебюты [Бушин, 2009]. Общественное мнение к обоим относилось скептически, авторы не избежали участи писателя-христианина в России – «быть оклеветанным, оболганным, ненавидимым» [Сараскина, 2006, с. 587]. Оба писателя имели драматичный опыт столкновения с властью

и прошли годы каторги. Оба в молодости были увлечены идеями социализма, который воспринимали «в самом розовом и райско-нравственном свете» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 196], а затем прошли путь отречения от социалистических идей.

Получив, как и предшественник, опыт страдания и духовного перерождения, Солженицын «научился видеть в Достоевском единомышленника и соратника. Автор “Архипелага” доверительно сверяет свои часы с автором “Бесов”» [Сараскина, 2006, с. 580]. Сам Солженицын ощущал эту связь и признавал ученичество у классика: «...я верю в ученичество. Действительно, каждый писатель у кого-то учится и кому-то следует в чем-то, вовсе не целиком» [Солженицын, 1997, с. 442]. Солженицын как писатель и публицист опирается на традицию, его творчество находится в «диалоге» не только с идеями Достоевского. Большое влияние на формирование его мировоззрения оказал и Л. Толстой. Солженицын признавал влияние идей обоих литературных предшественников, но считал, что именно Достоевский по многим вопросам ему ближе: «Вся традиция XIX века так или иначе воспитывала нас. Толстой и Достоевский всегда, на каждом из нас отразились. <...> А если уж говорить теперь о более позднем возрасте, когда появились нравственные вопросы, то Достоевский их ставит острее, глубже, современнее, более провидчески» [Солженицын, 1997, с. 445].

Пройдя сложный путь отречения от взглядов молодости, оба автора в зрелом возрасте начинают развивать в своем публицистическом творчестве консервативные идеи, что позволило исследователям отнести часть их публицистики к такому направлению русской консервативной мысли, как почвенничество.

Целью представленного исследования было проведение сравнительного анализа «почвеннических» идей Достоевского и Солженицына по вопросам о земле, русском народе и интеллигенции. Если вопрос о «почвенничестве» Достоевского изучен достаточно глубоко, то понятие «неопочвенничество» в отношении к творчеству Солженицына и других авторов XX в. разработано пока весьма поверхностно. Точки соприкосновения во взглядах Достоевского и Солженицына часто привлекают внимание в научных кругах, но вне контекста развития почвенничества, при этом часто вне фокуса внимания исследователей остаются спор и полемика автора XX в. с предшественником по ряду вопросов.

Материалами исследования послужили публикации из «Дневника писателя» Достоевского, два цикла «Крохоток» Солженицына. «Крохотки» имеют пограничную жанровую природу. Б. Кодзис считает, что Солженицын возродил жанр лирической миниатюры, используя опыт И. С. Тургенева, И. А. Бунина, М. М. Пришвина [Кодзис, 1997]. Л. А. Колобаева признает «Крохотки» «малым эпосом» [Колобаева, 1999 с. 44]. Учитывая мнение других исследователей по поводу жанровой природы «Крохоток», мы опираемся на позицию О. С. Макаровой, которая относит «Крохотки» к публицистическим миниатюрам: «Жанр миниатюры характеризуется как маленькое по размеру произведение, органически

сочетающее в себе художественное и публицистическое начала» [Макарова, 2011, с. 58]. С одной стороны, «Крохотки» документальны, с другой стороны, в миниатюрах присутствуют метафоричность, художественное обобщение. Это сближает «Крохотки» с «Дневником писателя» Достоевского, жанровая природа которого тоже погранична: в него внедрены фрагменты художественного текста, плавно перетекающие в публицистику, что было «рискованным литературным экспериментом» [Волгин, 2011, с. 11].

Так как вопрос по поводу жанровой формы «Крохоток» до сих пор остается спорным среди исследователей, эмпирическая база была расширена за счет других публицистических работ Солженицына, а также его интервью. Выбранный для нашего исследования промежуток времени (публицистика XIX и XX вв.) актуализирует проблему взаимоотношений между народом и интеллигенцией, отношения к земельному вопросу. Сравнительный анализ публицистики разных веков по вопросу о земле и народе представляет интерес с точки зрения того, насколько определенный круг идей остается актуальным для страны. Основными для исследования являются биографический, историко-сравнительный методы. Они позволяют проследить степень преемственности между идеями Достоевского и Солженицына. Публицистические тексты сравниваются на основе структурно-семантического анализа.

Сама концепция почвенничества возникла как попытка найти пути развития страны после реформы 1861 г., изменившей взгляд русского общества на народ. Почвенничество связано с определенной политической доктриной и общественно-литературным течением, сложившимся в 1860-х гг. в творчестве братьев Достоевских, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, и декларировавшим «восстановление единства интеллигенции с народом» [Славянофилы..., 2009, с. 441].

По мнению В. Н. Захарова, исследователя творчества Достоевского, само понятие «почва» может восприниматься как глубокая метафора. В буквальном смысле почва – это земля, которую нужно возделывать. В переносном смысле – «основа, основание, опора» [Захаров, 2012, с. 17] жизни нации. Идеи почвенничества, появившиеся в журналах «Время», «Эпоха», а также в «Дневнике писателя» Достоевского, многие восприняли как продолжение славянофильских идей, а сам термин «почва» часто понимался как синоним слова «народ». Большинство критиков осуждали размытость идей нового направления и авторов, которые «имеют неопределенное, не собственное, тоже аллегорическое понятие о предмете спора, т.е. толкуют о том, чего никто из них не потрудился уяснить для себя» [Антонович, 1938, с. 354].

Понятие «почва» для Достоевского и для его последователя – Солженицына было гораздо шире и сложнее понятия «народ». Для Достоевского «почвой» становится «тот духовно-нравственный пласт общественно-политической жизни, на основе которого только и возможна встреча и органическое соединение интеллигенции и народа, образованности и народной нравственности» [Селезнев, 1990, с. 237]. Вряд

ли можно отождествлять идеи почвенников с мыслями славянофилов, хотя у этих направлений действительно было довольно много общего. Так, Анджей де Лазари отмечает, что и те, и другие поэтизировали представления о народной душе и пытались именно в народной среде найти нравственную сущность характера русских людей [Лазари, 2004]. Но в отличие от славянофилов, Достоевский обратил внимание на важную роль русской интеллигенции, которая должна была обеспечить воссоединение русского образованного класса с простым народом.

В круг почвенников исследователи включают не только авторов XIX в., но и более современных: Д. С. Лихачева, А. И. Солженицына, В. Г. Распутина, В. П. Астафьева, В. И. Белова [Захаров, 2012, с. 24]. Имя Солженицына поставлено наравне с писателями-«деревенщиками» XX в., размышлявшими о тех нравственных ценностях, которые берегает простой народ. В XX в. идеи почвенничества вновь актуализированы. Сама идея обращения к народным истокам не потеряла своей значимости, но социальные и политические условия трансформировались, и из-за нивелирования социальных границ после революции 1917 г. у неопочвенников уже отсутствует такое явное разграничение на «народ» и «интеллигенцию». Авторы XX в. используют другой критерий близости к родной земле: человек умеет жить национальными, а не глобальными интересами, сохраняя связь с традициями и культурой страны. Однако термин «интеллигенция» не исчезает из работ публицистов. Почвенников разных веков объединяет критика общественного устройства и темы, связанные с земельным вопросом, народом, интеллигенцией, властью [Мужайлова, 2007].

Исследование и его результаты

Идеи почвенничества находят свое отражение во многих работах Достоевского и Солженицына. Однако необходимо понимать, что их творческое наследие не ограничивается рамками строго определенного направления, оно гораздо шире. Тем не менее, термины «почвенники», «консервативная философия» часто фигурируют рядом с именами Достоевского и Солженицына. Их публицистика содержательно тяготеет к осмыслению трех важных аспектов консервативной мысли: православие, государственная власть, русский народ. Вопрос о народе всегда оставался в центре внимания обоих авторов, и он был неразрывно связан с вопросом о земле.

Рассуждая о почве в буквальном смысле, Достоевский называл вопрос о земле тем вопросом, который определяет будущее страны. Политический, гражданский порядок в стране, по мысли автора, всегда связан с почвой и характером землевладения. Установить порядок в стране – значит, прежде всего, решить земельный вопрос: «Если есть у нас в России наиболее теперь беспорядка, так это в владении землею, в отношениях владельцев к рабочим и между собою, в самом характере обработки земли. И покамест это все не устроится, не ждите твердого устройства и во всем остальном» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 475]. Автор

полагал, что нравственное здоровье нации напрямую зависит от организации землевладения: «Всякое правильное отправление национального организма организуется лишь тогда, когда в стране утвердится прочное землевладение» [Достоевский, 2011, т. 2, с. 265].

Однако понятие «почва» рассматривается Достоевским и в смысле метафизическом, превращаясь в священное понятие для русского человека: «...он всё выводит из земли и от земли. В земле, в почве есть нечто сакраментальное» [Достоевский, 2011Б т. 1, с. 474]. В «Дневнике писателя» Достоевский вольно интерпретирует «Записки Ивана Дмитриевича Якушкина», создавая представление о нем как об оторванном от «почвы» помещике, который не знает психологию народа. Проект декабриста Якушкина по освобождению крестьян относился к лету 1819 г. Он предполагал отдать народу безвозмездно дома, скот, усадьбы при деревнях. Остальную землю он планировал оставить в своем владении и рассчитывать половину обрабатывать с помощью вольнонаемных работников, а другую половину отдать в аренду собственным бывшим крестьянам. Но крестьяне отказались принимать такие условия: «Нет, уж лучше по-старому: мы ваши, а земля наша» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 475]. Анализируя эту ситуацию, Достоевский приходит к выводу, что русский народ не мог представить себя без земли, видя в ней не просто плодородный слой почвы, а нечто священное: «Уж когда свободы без земли не хотел принять, значит, земля у него прежде всего, в основании всего, земля – все, а уж из земли у него и все остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь – одним словом, все, что есть драгоценного» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 476]. Почвой является не только плодородный слой земли, но и священное понятие для русского человека, на основе которого формируются представления о чести, свободе, семье, вере.

Вопрос о земле во многом сближает Солженицына с его предшественником. Для обоих авторов земля является нетленной ценностью, важной в судьбе народа, в отрыве от почвы невозможна жизнь нации. Свою концепцию обустройства России и спасения нации Солженицын связывает с землей, «с ее чудесным, благословенным свойством плодородия, иметь мощную опору» [Сараскина, 2006, с. 581]. Солженицына, как и Достоевского, волнует вопрос, связанный с землевладением: «Как вводится сегодняшняя аренда – больше обман и издевательство, ни толку, ни ряду, только хуже погубят охоту у людей, потянувшихся к земле» [Солженицын, 1995, с. 553]. Автор XX в. тоже не ограничивался хозяйственным значением понятия «почва»: «Земля для человека содержит в себе не только хозяйственное значение, но и нравственное» [Там же, с. 553]. Солженицын вслед за Достоевским рассуждает о земле как о главном богатстве, благодаря которому можно сохранить страну: «...высшее богатство народов сейчас составляет земля. Земля как простор для расселения. Земля как объём биосферы. <...> Земля как почва для плодородия» [Солженицын, 1995, с. 163]. В «Письме вождям Советского Союза» автор делает мрачный прогноз о том, что пространства

планеты будут исчерпаны к 2030 году, однако некоторые страны богаты неосвоенной землей, среди которых Россия. В освоении еще не занятых земель, по мысли Солженицына, – надежда на спасение нации и возможность исправить ошибки прошлых веков: «...на наших широченных северо-восточных земельных просторах, по нашей же неповоротливости четырёх веков ещё не обезображенных нашими ошибками, мы можем заново строить не безумную пожирающую цивилизацию “прогресса”, нет, – безболезненно ставить сразу стабильную экономику и соответственно её требованиям и принципам селить там впервые людей. Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации» [Солженицын, 1995, с. 163].

Тема «почвы» многогранно раскрыта в «Крохотках». В них, как и в «Дневнике писателя» Достоевского, земля и труд на ней связаны не только с ведением крестьянского хозяйства, но и с вопросами нравственными. Так, в крохотке «Лихое зелье» возникает параллель между описанием труда земледельца, который следит за добрыми злаками, и «трудом» души человека. Это развернутая метафора, связанная с понятиями «земля», «почва»: имеется в виду не только возделывание реальной почвы, но и сохранение традиций, культуры, преемственности. Сорняки, «лихое зелье», разбрасываются сами и «против всякого ухода» [Солженицын, 2006, с. 564] и могут пониматься как все то, что этому сохранению мешает, будь то власть, не прислушивающаяся к народу, или же народ и интеллигенция, кощунственно обращающиеся со своей историей.

Вопрос о земле неразрывно связан для почвенников с вопросом о народе. Читатели «Дневника писателя» уловили в нем главное: «...именно то, что вопрос о народе ставится Достоевским во главу угла и с разрешением этого вопроса связывается все будущее России» [Волгин, 2011, с. 27]. Сам автор дал основание считать так: «Вопрос о народе и взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 251].

Достоевский, подобно славянофилам, считал, что Петр I разделил Россию на две части: «народ» и «общество», тем самым оторвал часть русской интеллигенции от национальных основ, ориентируя на идеалы западноевропейской цивилизации. «Наша оторванность именно и началась с простоты взгляда одной России на другую. Началась она ужасно давно, как известно, еще в Петровское время, когда выработалось впервые необычайное упрощение взглядов высшей России на Россию народную» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 526]. Это разделение видится Достоевскому трагедией, мешающей гармоничному устройству общества. Критическое отношение к Петру высказывает и Солженицын: «Он не возвысился до понимания, что нельзя переносить (с Запада) отдельные результаты цивилизации и культуры, упустя ту психическую атмосферу, в которой они (там) созрели. Да, Россия нуждалась и в техническом догоне Запада, и в открытии выхода к морям, особенно к Чёрному. <...> Нуждалась – но не ценой того, чтобы ради ускоренного промышленного

развития и военной мощи – растоптать... исторический дух, народную веру, душу, обычаи» [Солженицын, 1995, с. 619].

Отношение Достоевского как представителя интеллигенции к народу противоречиво. Он утверждает: «Я вот, например, написал в январском номере “Дневника”, что народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату, “варвар, ждущий света”» [Достоевский, 2011, 1, с. 249]. В этой же статье говорится, что идеалы народа «сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом...» [Там же, с. 250]. Достоевский считал, что в русском человеке есть и красота, и наносное варварство. Обстоятельства истории сложились так, что народ постоянно был мучим и развращаем, но, несмотря на это, сохранил красоту человеческого образа, в отличие от интеллигенции. Поэтому можно извинить «всю непроходимую наносную грязь, в которую погружен народ наш» и суметь «отыскать в этой грязи бриллианты» [Там же, с. 249].

В «Дневнике писателя» Достоевский неоднократно задается вопросом: как преодолеть пропасть между народом и интеллигенцией и так ли представители русского образованного общества хороши, чтобы поставить самих себя народу в образец? Именно народ, сохранивший чистоту православной веры, простоту и незлобие, по мысли автора, может стать примером для интеллигенции. Считая самого себя частью интеллигенции, автор признает: «Мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться пред правдой народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Минеи» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 251]. Но влияние народа на интеллигенцию не должно быть односторонним. Как утверждает Достоевский, нужен и обратный процесс: «...чтобы народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться, и даже перед какой бы то ни было его правдой; наше пусть останется при нас...» [Там же, с. 252].

Достоевский не раз в «Дневнике писателя» ссылается на мнение скептиков, которые не считали, что именно «народные идеалы» должны стать образцом для интеллигенции: «...народ наш даже и не может быть теперь компетентен в создании идеала лучшего человека, да и не то что сам компетентен, а и участвовать в этом подвиге не в силах, что его нужно самого обучить сперва грамоте, образить его, развить его, настроить школ» [Там же, с. 543]. В неграмотном русском человеке и Православие не могло быть глубинным и полноценно осознанным: «Никогда не читавший Евангелия крестьянин на деле был носителем сложного конгломерата суеверий, народных бытовых традиций и отголосков христианского учения, которое, по мнению критиков Достоевского, не могло считаться действительно религиозным мировоззрением» [Ф. М. Достоевский и А. И. Солженицын: преемственность..., 2019, с. 107].

Достоевский, отвечая на критику, писал, что самим фактом своего вечного страдания русский народ – христианин. Лучших народных на-

чал представители интеллигенции не заметили в простом крестьянстве, потому что «сами этот дух давно потеряли, да и не знают, где он веет» [Достоевский, 2011, т. 2, с. 82]. Многие представители интеллигенции, по его мнению, не умеют «смотреть на народ без плевка» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 335], однако сами «гораздо хуже народа, и почти во всех отношениях» [Там же, с. 333].

Доказывая наличие чистоты и незлобия в душе простого русского человека, Достоевский описывает далекое детское воспоминание 1832 г. о том, как ему привиделся волк, и маленького мальчика Фёдора успокоил старый пахарь Марей: «Только Бог, может, видел сверху, каким глубоким и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою, почти женственную нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 257].

Достоевский разделял уверенность славянофилов в необходимости поиска точки опоры на национальные традиции, их интерес к явлениям народного бытия. Однако автор расходится со славянофилами в восприятии народа. Достоевский видит в народе не только положительные, идеальные черты, но и открыто заявляет от противоречивости души народа.

Если у Достоевского было четкое разделение общества на «народ» и «интеллигенцию», то у Солженицына в крохотках такого разграничения нет. Во многом это обусловлено историческими причинами. После революции рухнула сословная система русского общества, существовавшая при Достоевском. Автор XX в. использует другой критерий близости к земле: людей он делит на тех, кто живет в крупных городах, и на тех, кто остался в глубинке, сохранив крепкую связь с национальными традициями. Так, в крохотке «Позор» появляется надежда на то, что именно народ из глубинки способен возродить страну: «Нет, другая глубь – той четверть-сотни областей, где побыв я, – вот та дышит мне надеждой: там видел и чистоту помыслов, и неубитый поиск, и живых, щедродушных, родных людей. Неужель не прорвут они эту черту обречённости? Прорвут! ещё – в силах» [Солженицын, 2006, с. 563].

Достоевский проводит черту между собой как представителем интеллигенции и народом, Солженицын же во многих публикациях осмысляет собственное бытие как часть бытия всего народа. Он часто использует местоимение «мы», разделяя судьбу всех людей в стране: «Но Позор висит и висит над нами, как жёлто-розовое отравленное облако газа, – и выедаёт наши лёгкие» [Солженицын, 2006, с. 563].

Если в «Крохотках» про интеллигенцию не говорится, то в других публицистических работах Солженицын к этому понятию обращается, актуализируя диалог с Достоевским. Автор связывает надежду на возрождение страны не только с народом из глубинки, но и в целом с людьми, у которых имеется чистота устремлений, душевная самоотверженность: «Поспешен и вывод, что нет интеллигенции. Каждый из нас лично знает хотя бы несколько людей, твёрдо поднявшихся и над этой ложью и над хлопотливой суетой образованщины. И я вполне согласен с теми,

кто хочет видеть, верить, что уже видит некое интеллигентное ядро – нашу надежду на духовное обновление» [Солженицын, 1995, с. 123].

Однако эта интеллигенция не должна превращаться в покорных и бездействующих людей, которых автор клеймит в работе «Образованщина»: «Наша интеллигенция единодушна в представлении о желанном будущем нашей страны (самые широкие свободы), но так же единодушна она и в полном бездействии для этого будущего. Все заморожено ждут, не случится ли что само» [Там же, с. 148]. Публицист критикует интеллигенцию, погрязшую в трусости и соглашательстве жить «по лжи»: «Покорились – до полной приниженности, до духовного самоуничтожения, и что ж, как не кличка образованщины, по справедливости остаётся нам?» [Там же, 1995, с. 101]. В этих рассуждениях мысли Солженицына перекликаются с идеями его предшественника: автор XX в., как и Достоевский, употребляет местоимение «мы», относя себя уже не ко всему народу в целом, как было в «Крохотках», а к образованной части русского общества, и, как предшественник, видит вину интеллигенции в оторванности от народа. Эти «достоевские» идеи появляются в статье «Образованщина»: «И большинством же интеллигенции вполне сознаётся теперь – кем тревожно, кем равнодушно, кем высокомерно – отчуждение от нынешнего народа» [Там же, с. 101].

Разделение общества на «народ» и «интеллигенцию» актуализировало в творчестве Достоевского и Солженицына мысль о предназначении писателя и его взаимоотношениях с народной средой. Достоевский утверждал, что творческие люди преклоняются перед народной правдой, но сами не являются выходцами из народа. Зародиться настоящему таланту на «народной почве» в XIX в. было практически невозможно, так как народ в основном был неграмотным. Именно поэтому почвенники приходят к мысли о том, что в творческой деятельности сам народ участвовать не должен, но интеллигенция от соприкосновения с народной почвой должна получить вдохновение, заимствовать у простого человека чистоту и незлобие, признать народные идеалы. Именно это сделали многие русские писатели: «Но за литературой нашей именно та заслуга, – пишет Достоевский – что она, почти вся целиком, в лучших представителях своих и прежде всей нашей интеллигенции, заметьте себе это, преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные» [Достоевский, 2011, т. 1, с. 251].

Эти идеи отразились в речи Достоевского об А. С. Пушкине, произнесенной в 1880 г. и опубликованной в «Дневнике писателя». Пушкин не был выходцем из народной среды, но хорошо изучил и полюбил многие народные черты, поэтому «принял суть народную в свою душу как свой идеал» [Достоевский, 2011, т. 2, с. 406]. Пушкин полюбил то, что любил сам народ: «Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, <...> это был человек, сам перевоплощавшийся сердцем в простолюдина, почти в образ его» [Там же, с. 407]. Преклонение перед правдой народа Достоевский отмечает и в творчестве других авторов: в поэзии Н. А. Некра-

сова, в произведениях И. А. Гончарова и И. С. Тургенева, отмечая, что и в их героях отразились прекрасные черты простого человека [Достоевский, 2011, 1, с. 250].

Солженицын тоже поднимает вопрос о взаимоотношениях творческой интеллигенции и народа, но автор пишет уже в новых политических и социальных условиях, когда большая часть общества была грамотной. В крохотке «На родине Есенина» речь идет о том, что настоящие таланты появляются именно в народной среде, и творец должен быть частью народа, а не просто преклоняться перед его правдой. В качестве примера публицист обращается к творчеству «крестьянского поэта» Сергея Есенина, который является выходцем из народной среды, напрямую связан с русской «почвой». Его талант представляется Солженицыну таинственным началом и «небесным огнем» [Солженицын, 2006 (2), с. 547], который появляется в человеке наперекор убогому однообразию окружающей жизни, заметному в описании села Константинова.

Выводы

Достоевского от Солженицына отделяет значительный промежуток времени, поэтому нельзя утверждать, что на писателя XX в. повлияли только идеи одного великого предшественника. Солженицын в своем творчестве опирался на традицию, и сам признавал ученичество у многих авторов, среди которых выделял Достоевского. «Диалог» авторов разных эпох представляет собой не только созвучия идей, но и некоторые расхождения. Отталкиваясь от общих мировоззренческих констант, оба мыслителя выстраивают концепции национально-консервативного толка. Их творческое наследие гораздо шире такого направления, как почвенничество, тем не менее, идеи этого направления активно развиваются в публицистике Достоевского и Солженицына. Часто в своих рассуждениях о земле и народе оба автора балансируют на тонкой грани между актуальным публицистическим текстом и образностью художественного слова, отсюда – пограничная жанровая форма и «Дневника писателя», и «Крохоток».

Солженицын и Достоевский связывают вопрос о народе с вопросом о земле, рассматривая «почву» не только в буквальном смысле, но и в смысле метафорическом, философском. Оба связывают будущее страны с решением вопроса о земле и предлагают определенные шаги для его решения: Солженицын – более конкретные действия: освоение земель северо-востока страны. Достоевский более склонен к метафоричности и призывает интеллигенцию к обдуманному владению землей, пониманию народного характера, обретению утраченной связи с простым народом.

В публицистике Достоевского присутствует более четкое разделение русского общества на «народ» и «интеллигенцию». Задачу интеллигенции писатель видит в преодолении пропасти между собой и народом. Солженицын в «Крохотках» такого разделения избегает, однако вводит другой критерий близости к «народной почве»: делит людей на живу-

щих в городах и оставшихся в глубинке. В XX в. из-за нивелирования социальных границ понятие «народ» в публицистике Солженицына становится более широким, автор не всегда проводит явную черту между собой как представителем интеллигенции и народом.

Оба автора рассуждают о связи творческой интеллигенции с народной средой. Разные исторические реалии по-новому преломляют общие идеи. По мысли Достоевского, писатель не может являться выходцем из народной среды. Солженицын, напротив, считает, что настоящий талант воспитан русской «почвой».

Публицистика Солженицына по многим «почвенническим» вопросам – это зачастую прямой диалог с мыслями из «Дневника писателя» Достоевского. Идейные переключки между рассуждениями авторов разных веков иллюстрируют цикличность многих исторических процессов и новый виток развития этих процессов в связи с изменившейся политической и социальной реальностью.

Литература

Антонович М. А. (1938) Избранные статьи. Философия. Критика. Полемика. Л.: Худ. литература. 583 с.

Бушин В. С. (2009) Неизвестный Солженицын. М.: Эксмо. 557 с.

Васильев А. А. (2010) Мировоззрение почвенников (Ф. М. и М.М. Достоевских, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова): забытые страницы русской консервативной мысли. М.: Институт русской цивилизации. 243 с.

Волгин И. Л. (2011) Поверх барьеров. Загадка «Дневника писателя» // Достоевский «Дневник писателя»: в 2 т. М.: Книжный Клуб. Т. 1. С. 5–40.

Достоевский Ф. М. (2011) Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный клуб. 800 с.

Достоевский Ф. М. (2011). Дневник писателя: в 2 т. Т. 2. М.: Книжный клуб. 752 с.

Захаров В. Н. (2012) Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Вып. 7. / Петрозаводский гос. ун-т. Петрозаводск. С. 14–24.

Кодзис Б. (1997) Лирические миниатюры Александра Солженицына // Литература: Приложение к газете «Первое сентября». № 30. С. 3–4.

Колобаева Л. А. (1999) «Крохотки» // Феномен Солженицына. Литературное обозрение. № 1. С. 43–48.

Кругликова О. С., Шаповалова К. А. (2019) Ф. М. Достоевский и А. И. Солженицын: преемственность идей в публицистике // Тетради по консерватизму. №1. С. 103–117.

Лазари Анджей, де. (2004) В кругу Федора Достоевского. Почвенничество: пер. с польск. М.: Наука. 207 с.

Макарова О. С. (2011) Структурно-смысловое единство миниатюр цикла «Крохотки» Солженицына // Мир русского слова. № 4. С. 57–61.

Мужайлова Е. А. (2007) Неопочвенничество: преемственность и новаторство // Социально-гуманитарные знания. №9. С. 272–280.

Сараскина Л. И. (2006) Достоевский в созвучиях и притяжениях. М.: Русский путь. 608 с.

Селезнев Ю. И. (1990) Достоевский. М.: Молодая гвардия. 543 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия. (2009) / сост. и отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 736 с.

Солженицын А. И. (1995) Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль: Верхняя Волга. 720 с.

Солженицын А. И. (1997). Публицистика: в 3 т. Т. 3. Ярославль: Верхняя Волга. 560 с.

Солженицын А. И. (2006). Собр. соч. в 30 т. Т. 1. М.: Время. 666 с.

References

Andrzej de Lazari (2004) *Next to Fyodor Dostoevsky. Pochvennichestvo*. Moscow, Nayka. 207 p. (In Russian).

Antonovich M. A. (1938) *Selected articles. Philosophy. Criticism. Controversy*. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura. 583 p. (In Russian).

Bushin V. S. (2009) *Unknown Solzhenitsyn*. Moscow, Eksmo. 557 p. (In Russian).

Dostoevsky F. M. (2011) *Diary of the writer: in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow, Knizhny klub. P. 800. (In Russian).

Dostoevsky F. M. (2011) *Diary of the writer: in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow, Knizhny klub. P. 752. (In Russian).

Kodzis B. (1997) Lyric miniatures by Alexander Solzhenitsyn. *Literature: Supplement to the newspaper "September 1st"*, no. 30, pp. 3-4. (In Russian).

Kolobaeva L. A. (1999) «Krohotki». *Literary review*. Issue 1, pp. 43-48. (In Russian).

Kruglikova O. S., Shapovalova K. A. (2019). F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn: continuity of ideas in journalism. *Conservatism notebooks*, no. 1, pp. 103-117. (In Russian).

Makarova O. S. (2011) Structural and semantic unity of miniatures of the cycle «Krohotki» by Solzhenitsyn. *The world of the Russian word*, no. 4, pp. 57-61. (In Russian).

Muzhajlova E. A. (2007) Neopochvennichestvo: continuity and innovation. *Social and humanitarian knowledge*, no. 9, pp. 272-280. (In Russian).

Saraskina L. I. (2006) *Dostoevsky in consonance and attraction*. Moscow, Russky put. 608 p. (In Russian).

Seleznev Yu. I. (1990) *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. 543 p. (In Russian)

Slavophiles. Historical encyclopedia. (2009). Moscow, Institut russkoy civilizatsii. 736 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. (1995) *Publicism in 3 vols*. Vol. 1. Yaroslavl, Verkhnyaya Volga. 720 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. (1997) *Publicism in 3 vols*. Vol. 3. Yaroslavl, Verkhnyaya Volga, 560 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. (2006) *Selected works in 30 vols. Vol.1*. Moscow, Vremya. 666 p. (In Russian).

Vasiliev A. A. (2010) *The worldview of pochvenniki: forgotten pages of Russian conservative thought*. Moscow, Institut russkoy civilizatsii. 243 p. (In Russian).

Volgin I. L. (2011) *Over the barriers. The riddle of "The Diary of the writer"*. Moscow, Knizhny klub, pp. 5-40. (In Russian).

Zaharov V. N. (2012). Pochvennichestvo in Russian literature: a metaphor as an ideologeme. *Gospel text in Russian literature of the 18th-20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre*, no. 7, pp. 14-24. (In Russian).

Kseniya A. Kulko (St. Petersburg, Russian Federation)

Issues of «Pochvennichestvo»: Land and Nation in Publicism by F. M. Dostoevsky and A. I. Solzhenitsyn

The triad: Orthodoxy, autocracy, people form the basis of the conservative views of F.M.Dostoevsky and A.I. Solzhenitsyn. Based on common worldview constants, thinkers build concepts of a national-conservative persuasion. Their creative heritage is broader than “soil culture”, nevertheless, the ideas of this direction are developing in their journalism. The article presents a comparative analysis of the views of the authors concerning their views on the land, the Russian people and the intelligentsia. An analysis of the texts of Dostoevsky’s “Diary of a Writer”, Solzhenitsyn’s artistic and publicistic miniatures “Krohotki” and his other publicistic works allows us to understand why many of the “soil” issues raised in the 19th century were actualized a century later. The continuity of ideas of authors of different centuries in the context of social and political transformations in society is considered. A significant time period separating Dostoevsky and Solzhenitsyn makes it possible to see not only coincidences and consonances in their work, but also divergences.

Key words: *F. M. Dostoevsky, A. I. Solzhenitsyn, nativism, land, people, intelligentsia.*

Сведения об авторе / Information about the author

Кулько Ксения Андреевна – аспирант кафедры истории журналистики СПбГУ, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», г. Санкт-Петербург, Россия. Тел.: 8-981-165-63-45; e-mail: shapovalova1994@yandex.ru

Kseniya A. Kulko – post-graduate student, St. Petersburg State University. Institute of High School of Journalism and Mass Communications. St. Petersburg. Russian Federation. Phone: +7-981-165-63-45; e-mail: shapovalova1994@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 05.03.2021, принята к публикации 15.04.2021.
The article was submitted 05.03.2021, accepted for publication 15.04.2021.*